

**«ПО СТОГНАМ ШУМНЫЙ ГЛАС НЕСЕТСЯ...»
(об одном из обозначений городского пространства в русском поэтическом языке)**

Волков Сергей Святославович, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, sergejvolkov2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-1430>

Аннотация. Статья посвящена вопросам истории формирования русского поэтического языка. Исследование системы употреблений славянизма *стогна* (*стогны*) ‘улица, площадь, внутригородское пространство’ в русском поэтическом языке при помощи лексикографического метода показывает, что этот славянизм впервые введен в поэтический оборот в одах М.В. Ломоносова в качестве элемента одической топики. М.В. Ломоносов, таким образом, осуществляет «трансфер» славянизма из сакрального языка в поэтический, кодифицируя его как поэтизм. Слово продолжает активно употребляться у лучших поэтов XVIII столетия – В.П. Петрова, В.И. Майкова, М.Н. Муравьева, М.М. Хераскова, Г.Р. Державина. Далее, этот славянизм унаследован поэтическим языком первой половины XIX века, в том числе В.А. Жуковским, К.Н. Батюшковым, Е.А. Баратынским. Он активно использовался А.С. Пушкиным в «Руслане и Людмиле» и «Медном всаднике». Благодаря своей высокой поэтической экспрессии он сохраняется в русском поэтическом языке до настоящего времени (А. Битов, Ю. Ряшенцев, О. Зондберг и др.), хотя ошибочно маркируется некоторыми словарями русского языка как «устаревший».

Ключевые слова: русский язык XVIII в., одическая поэзия, поэтический язык, славянизмы, библеизмы, М.В. Ломоносов.

Для цитирования: Волков С.С. «По стогнам шумный глас несется...» (об одном из обозначений городского пространства в русском поэтическом языке) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 32–38. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-32-38>

Research Article

**SLAVICISMS IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 18TH CENTURY
(designation of urban space in the Russian poetic language)**

Sergey S. Volkov, PhD in Philology, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences); Herzen University, St. Petersburg, Russia, sergejvolkov2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-1430>

Abstract. The article presents the issues of the Russian poetic language formation. The study of the usages of the biblical word *стогна* (*стогны*) ‘street, square, inner-city space’ in the Russian poetic language by the means of the lexicographic method shows, that this Slavic word was introduced first into poetic circulation by Mikhail Lomonosov as an element of the odic topic. Thus, Mikhail Lomonosov was the first to carry out the “transfer” of the biblical word from the sacred Slavic language to the poetic one. The word continues to be actively used by the best poets of the 18th century – Vasilij Petrov, Vasily Maikov, Mikhail Muravyov, Mikhail Kheraskov, Gavriil Derzhavin and others. Further, this Slavic word was inherited by the poetic language of the 1st half of the 19th century, including Vasily Zhukovsky, Konstantin Batyushkov, Yevgeny Baratynsky poetry, it was actively used by Alexander Pushkin in “Ruslan and Ludmila” and “The Bronze Horseman”. Due to its high poetic expressiveness, it is preserved in the Russian poetic language to this day (Andrei Bitov, Yuriy Ryashentsev, Olga Zondberg etc.), although it is mistakenly marked by some dictionaries of the Russian language as “obsolete”.

Keywords: 18th century Russian language, odic poetry, poetic language, slavisms, biblicalisms, Mikhail Lomonosov.

For citation: Volkov S.S. Slavisms in the Russian poetry of the 18th century (designation of urban space in the Russian poetic language). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 32–38 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-32-38>

1. Более восьмидесяти лет назад в статье «Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина» (1941 г.) проф. Г.О. Винокур писал, что главной своей задачей он считает «освещение вопроса о том, что Пушкин получил... от предшествовавших ему деятелей русской поэзии и как он воспользовался этим наследством» [Винокур: 327]. С тех пор много воды утекло – была успешно завершена работа над «Словарем языка Пушкина» (1956–1961), вышли в свет монографии В.М. Живова, В.В. Замковой, Е.Г. Ковалевской, Е.С. Копорской, А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой, И.С. Улуханова, статьи Д.Г. Демидова, Л.Л. Кутиной, П.А. Семенова, Ю.С. Сорокина, Г. Хютль-Ворт и мн. др., более-менее подробно охарактеризовать которые можно только в рамках отдельного большого исследования. Поэтому вопрос, требующий, по мнению проф. Г.О. Винокура, *освещения*, сейчас, по-видимому, можно поставить несколько иначе: 1) какие единицы поэтического языка поэты XVIII столетия заботливо приготовили для века XIX; 2) как протекал процесс «поэтизации» формирующегося русского литературного языка; 3) как сложилась дальнейшая судьба поэтизм, открытых XVIII веком?

Совсем не случайно проф. Г.О. Винокур в названии своей статьи применяет слово *наследство*, что, как представляется, подразумевает рассмотрение поэтического языка XVIII в. как *особого идиома*, обладающего высокой *общекультурной ценностью*. Более того, в истории литературного языка должны, конечно, делаться некоторые теоретические «обобщения» (заметим, что порой эти обобщения строятся не столько на анализе языковых фактов, сколько на цитировании и комбинировании отдельных мнений или высказываний известных языковых личностей XVIII–XIX вв.), но не менее важна «живая» история отдельных языковых единиц и их микрогрупп, в том числе – история русских поэтизм, история формирования русского поэтического языка. В наши дни, когда создаются огромные электронные корпуса текстов, когда оцифровываются ресурсы отечественных книгохранилищ и формируются электронные библиотеки, историческая лексикология, фразеология и стилистика должна, по-видимому, наконец повернуться к детальному, пристальному наблюдению истории конкретных слов и групп. Внимательное, кропотливое рассмотрение такого материала под увеличительным стеклом современного лексикографического метода на материале представительных корпусов текстов могло бы сделать более понятными и прозрачными многие этапы эволюции русского поэтического языка не только в XVIII, но также в XIX и даже XX вв., тем более что В.В. Виноградов утверждал, что в истории отдельных слов «отражаются сложные процессы взаимодействия личности и коллектива в сфере духовно-творчества» [Виноградов 1999: 4].

Среди лексико-фразеологических средств церковнославянского происхождения, активно употреблявшихся в произведениях высокой поэзии XVIII столетия, Г.О. Винокур отмечает, например, слово *стогна* ‘улица; площадь’ [Винокур: 144; Винокур: 384]. Эта лексическая единица представляет собой «исконный» славянизм, восходит к праславянскому *stьgna*, ст.-слав. *стьгна*, *стегна* и *стьгна* (ср. *греч. πλατεία*, *рун. аҫора*)¹. Мы находим этот славянизм, например, в Ветхом и Новом Завете, в Псалтири, в Минее, в постной и цветной Триоди, например: «Душá моя да благословить Бóга Царя великаго, яко назданъ будетъ Иерусалимъ сапфиромъ и смарагдомъ и камениемъ честнымъ, стьбны твоя и столпы и забрала златомъ чистымъ, и **стогны** Иерусалимскія вирилломъ и Анораксомъ и каменіемъ от суфiра устелются, и рекутъ вся **стогны** его: аллилуiа и восхвалять, глаголюще: благословенъ Бóгъ, иже вознесе во вся вьбкы (Товит 13: 17), еще один пример: «Егда молишия, не буди якоже лицемьри, яко любяты въ сонмищихъ и въ **стогнахъ** путій стояще молитися, яко да явятся челоукомъ» (Мф. 6: 5).

2. Свои первые шаги на поэтическом поприще слово *стогна* делает в виршах поэтов конца XVII в., например в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого, и, конечно, в «Псалтири царя и пророка Давида» (1680), псалом 143:

Волове их суть толсти, стены не падают,
прохода никому же удобна подают.

В **стогнах** их рыдание и вопль не бывает,
всяк сице живущия блаженны вешает.

Но во правду блаженни людие бывают,
иже Бога праваго за Бога си знают

[Сидорович: 312].

Используя приемы метаязыка «Словаря русского языка XVIII века», историю слова *стогна* (*стогны*) в XVIII столетии, можно было бы представить как *Слав.* → *Поэт.* и даже как *Слав.* → *Ритор.* → *Поэт.* Несколькими употреблениями в торжественных вдохновенных словах Ст. Яворского и Ф. Прокоповича можно было бы пренебречь, если бы мы не встретились здесь с весьма знакомой по риторическим текстам XVIII в. топикой – изображением «благословенного», «ликующего града», например, у Ф. Прокоповича в «Слове приветствительном на пришествие в Киев Его Царского Пресветлого Величества» 1706 г.: «Да возрадуются сыны Сиона о Царе своем (Пс. 149:2): Наше се есть пение, нам ныне свойственное; да гласится сие во вратах градских: да слышано будет по стенам, по домам, по **стогнам**: да поют сие церкви, да дадут глас горы» [Прокопович: 2].

3. Поэтическое преображение, поэтическая «кодификация» слова *стогны* начинается в одической поэзии М.В. Ломоносова (всего 8 употреблений), который, как считал Н.И. Новиков, мог быть знаком

с «Рифмотворной псалтирю» Симеона Полоцкого: «Юные лета препроводил со отцом своим, ездя на рыбные промыслы, но будучи обучен российской грамоте и писать, прилежал он более всего, по врожденной склонности, к чтению книг. И как по случаю попадалась ему Псалтырь, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству» [Новиков: 119–120].

Маловероятно, конечно, что факт знакомства Ломоносова с текстом «Псалтири царя Давида, художеством рифмотворным... преложенной» Симеона Полоцкого² мог хоть как-то повлиять на выбор 143-го псалма для поэтического соревнования с А.П. Сумароковым и В.К. Третьяковским (1743 г.), но во всяком случае в этом поэтическом эксперименте Ломоносов, во-первых, принимает смелое решение осуществить «трансфер» библеизма из сакрального контекста в поэтический, а, во-вторых, сознательным сохранением этого славянизма, как представляется, указывает на *живую* связь текста его переложения с текстом псалма, тем самым как бы *уравнивая* язык сакральный (т. е. язык церковнославянский) и язык высокой поэзии³: «Пшеницы полны гумна их, / Несчетно овцы их плодятся, / На тучных пажитях хранятся / Стада в траве волов толстых. / Цела обширность крепких стен, / Везде столпами укрепленных; / Там вопля в **стогнах** нет стесненных, / Не знают скорбных там времен [Ломоносов VIII: 115–116]. Это, по-видимому, может быть принято в качестве одного из свидетельств того, что Ломоносов в начале сороковых годов XVIII в. не только усердно занимался исследованиями корпускул, растворов, тяжести, теплоты, свойств воздуха, химического состава минералов и пр., но и был увлечен размышлениями над «устройством» поэтического языка, искусством стихосложения, составом поэтического лексикона. По вполне справедливому мнению И.З. Сермана, «библейские» стихи Ломоносова считались и в XVIII, и в XIX в. высшим его поэтическим достижением [Серман 1966: 46]⁴: Ломоносов, таким образом, открыл возможность поэтического «освоения» драгоценного ресурса церковнославянского языка как нормативного *источника* поэтического языка. И.З. Серман отмечал, что Ломоносов, «сохраняя в основном библейский текст, развивает и «орнаментирует» его в своем переложении (143-го псалма. – С. В.)» [Серман 1966: 102], по его мнению – прежде всего за счет метафоризации, но, как мы видим, и за счет включения поэтических славянизмов. Важно отметить, что это «открытие» в поэтической деятельности Ломоносова происходит достаточно рано; значительно раньше, чем он сам заявляет об этом в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758 г.).

4. Возможно, что применение славянизма *стогны* в панегирической поэзии Ломоносова было обусловлено даже не столько стилистическими причинами (принимая во внимание, конечно, понятную эмоциональную тональность, возвышенность, характерную для славянизмов), сколько причинами риторическими; оно было более подчинено правилам риторического *изобретения*, чем стилистическим задачам создания «высокого», «украшенного» слова: шумные улицы торжествующего Петербурга выступают как главная сцена изображаемых одическим поэтом событий (*топос места*). Генезис этого типа топоса Р. Николози связывает с торжественными процессиями, сопровождающими прибытие императора Рима в какой-либо населенный пункт, поэтому предлагает называть его *топос adventus* [Николози: 108]. Мы бы осмелились назвать его *топосом ликующего града*. Слово *стогны*, таким образом, в одической поэзии М.В. Ломоносова начинает выполнять новую эстетическую функцию, органично включаясь в экспрессивную систему средств выражения этого топоса (оно было как бы уже готово, уже окрашено в нужные для этого оттенки), ведь Петербург у Ломоносова – это «град Петров священный», благословенный российский Сион, подобный Иерусалиму, граду Божьему, см., например, в «Оде всепресветлейшему державнейшему великому государю Императору Петру Феодоровичу» (1761 г.):

Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают

[Ломоносов VIII: 759].

5. Итак, благодаря поэтическому гению Ломоносова, а также творчеству русских поэтов XVIII века – М.Н. Муравьева, В.И. Майкова, Е.И. Кострова, М.М. Хераскова, Г.Р. Державина – поэтизм *стогны* надежно закрепляется в специальном поэтическом лексиконе русской поэзии. Вот, например, у Г.Р. Державина жители Петербурга радуются заключению мира с Швецией:

И се уж возвещают громы.
Событие блаженных дней;
По ветру трубный звук несомый
Сзывает тысячи людей:
Народ колеблется, как волны;
Течет везде, веселья полный;
Врагов целует и друзей;
По **стогнам** гласы раздаются,
В домах нежнейши слезы льются;
Объемлют жен, отцов, детей

[Державин I: 311].

6. Известно, что А.С. Пушкин высоко ценил духовные оды М.В. Ломоносова: «переложения псал-

мов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны *мы будем изучаться стихотворному языку нашему* (выделено мной. – С. В.)» [Пушкин XI: 33]. Поэтому, если представить, что мы как бы пытаемся спустя столько лет ответить на вопрос, поставленный в 1941 году проф. Г.О. Винокуром, следует, наверное, сказать следующее:

– в текстах А.С. Пушкина 8 употреблений славянизма *стогна* (по материалам «Словаря языка Пушкина»), отражающих разные моменты пушкинской идейно-языковой эволюции;

– в ранних стихах А.С. Пушкин твердо следует ломоносовской традиции (см. об этом: [Благой 1967: 118]): в лицейском стихотворении «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» и в «Руслане и Людмиле» (1818–1820) традиционная топика сохраняется, как и традиционно-ломоносовское лексическое окружение: *множество, народ, клики* (у Г.Р. Державина – *гласы*) *веселья, шум, шумный, торжество, восторг* и пр.:

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд –
Все лица радостью, любовью блещут,
Внемли – повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По *стогнам* шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!

[Пушкин I: 145]

или:

Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум *на стогнах* восстает;
В волненьи радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца

[Пушкин IV: 77]⁵;

Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит...
Летит, надеждой окриленный,
По *стогнам* шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила

[Пушкин IV: 84].

Все это, как представляется, уже знакомый нам *топос ликующего града*, только особый – как бы не совсем настоящий, фантастический, сказочный. Можно, наверное, сделать вывод о том, что в новую эпоху и в новом социально-культурном контексте поэтический славянизм начинает использоваться в новой функции – в качестве средства создания историческо-

го колорита, то есть в возвышенном описании древнего города;

– особую эстетическую функцию выполняет библеизм *стогны* в поэме «Медный всадник». Гений Пушкина создает мифологизированный и гиперболизированный образ Петербурга (*топос места*) – это, с одной стороны, «град Петров», «юный град», «полнощных стран краса и диво», перед которым «померкла старая Москва / Как перед новою царицей / Порфироносная вдова» [Пушкин V: 136] (вполне в традиции панегирической оды XVIII в., ср. у М.В. Ломоносова «великий град Петров», «град Петров священный», «российский радостный Сион» [Ломоносов VIII: 218 и сл.]), а с другой – «печален будет мой рассказ», «была ужасная пора» – это место стихийного бедствия, смерти, страдания и скорби:

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. <...>
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет. <...>
Стояли *стогны* озерами
И в них широкими реками
Вливались улицы

[Пушкин V: 140–141].

Возможно, сказанное может быть сочтено произвольным или непрофессиональным толкованием, но во введении к поэме перед нами появляется всё тот же уже знакомый по поэзии Ломоносова, Петрова, Державина и других «топос града», который в первой части поэмы инвертирован, перевернут, превращен великим поэтом в свою противоположность. Нельзя было в этих драматических строках обойтись без надежного экспрессивного, яркого средства⁶, и А.С. Пушкин использует известный, можно сказать, уже хорошо зарекомендовавший себя славянизм, заботливо подготовленный для его пера поэтами XVIII столетия. В заключение этого раздела приведем последний, но весьма показательный пример из «Послания к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» гр. Д.И. Хвостова (того самого поэта и переводчика, о котором в «Медном всаднике» упоминает А.С. Пушкин)⁷:

Екатеринин брег сокрылся внутрь валов;
Мы зрим, среди Невы стоят верхи домов;
Непримиримые, бунтующие волны,
Из ложа выступя, порабащают *стогны*

[Хвостов: 149].

7. Было бы ошибкой считать, что в наши дни поэтизм *стогна* забыт современными поэтами. Наоборот, в продолжение традиции, установленной поэтической кодификацией М.В. Ломоносова, он продолжает оставаться полным жизни, эмоционально-ярким эле-

ментом поэтического языка – активно употребляет-ся у многих известных русских поэтов XX – начала XXI веков, например у Андрея Битова, Юрия Рышленца, Т.М. Глушковой, Тимура Кибирова, Ольги Зондберг, Алексея Долгорукова, представителей поэтической группы «Московское время» и др., например:

Один лишь только везунок, счастливчик с верблюжьим
профилем
бредет по **стогнам** – то споет мотивчик, то глянет нобилем.
Ю. Рышленцев. Сад Мандельштама

По стогнам Иерусалима
Хожу-брожу который год.
Шестью крылами серафима
Приветствую Царя приход.
А. Долгоруков. По стогнам Иерусалима⁸

Примечания

¹ Слово *стѣгна* означало и «площадь», и «улицу», т. е. «пространство внутри городских стен»; в старославянских и древнерусских текстах с помощью этого слова, как известно, передается и греч. *ἀγορά*, и *πλατεία*, и *ῥύμη* (см. [Откупщиков: 160–161]).

² Такой авторитетный исследователь русской литературы XVIII века, как И.З. Серман, был практически уверен в этом [Серман 1962: 226–232].

³ В.М. Живов считал, что «славянизмы как стилистическая категория в период до 1730-х годов не существовали, и появление их в этом качестве было радикальным теоретическим новшеством. Это в особенности относится к лексическому уровню» [Живов: 1022].

⁴ К сожалению, в XX веке система подобных оценок катастрофически изменилась.

⁵ В.В. Виноградов дает следующий комментарий к этому примеру: «Для полной картины тех нарушений Карамзинского канона, которые Пушкин допустил в языке «Руслана и Людмилы», необходимо указать <на> другие случаи смещения «славянских», книжноторжественных слов с формами разговорного просторечия» [Виноградов 1935: 101].

⁶ В числе вариантов текста находим «Стояли площади – ре<ками>» [Пушкин 1948: 452].

⁷ «Граф Хвостов, / Поэт, любимый небесами, / Уж пел бессмертными стихами / Несчастье невыхских берегов» [Пушкин V: 145].

⁸ См.: <https://stihi.ru/2019/11/04/211> (дата обращения: 30.10.24).

Список литературы

Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). Москва: Советский писатель, 1967. 723 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. Москва; Ленинград: Academia, 1935. 457 с.

Виноградов В.В. История слов. Москва: Институт русского языка, 1999. 1138 с.

Винокур Г.О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Профессор Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. Москва: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. С. 327–387.

Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. Москва: Наука, 1979. 343 с.

Державин Г.Р. Сочинения Державина: с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. Стихотворения. Санкт-Петербург: В тип. Императорской Академии наук, 1864. 812 с.

Живов В.М. История языка русской письменности. Т. 2. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 480 с.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.

Николози Рикардо. Петербургский панегирик XVIII века: миф – идеология – риторика. Москва: Языки славянской культуры, 2009. 161 с.

[Новиков Н.И.] Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий собрал Николай Новиков. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1772. 264 с.

Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 480 с.

Прокопович Ф. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. Ч. 1. Санкт-Петербург: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. 270 с.

Пушкин А.С. Медный всадник: Петербургская повесть // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 5: Поэмы 1825–1833. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. С. 131–150.

Пушкин А.С. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году // Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. С. 145–147.

Пушкин А.С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. С. 31–34.

Пушкин А.С. Руслан и Людмила // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 4: Поэмы 1817–1824. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937. С. 1–88.

Пушкин А.С. Поэмы 1825–1833: Другие редакции, планы и варианты // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 5: Поэмы 1825–1833. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. С. 161–505.

Сидорович Л.Н. «Рифмотворная Псалтирь» Симона Полоцкого и Василия Титова: Тексты. Расшиф-

ровка и редакция. Исследования. Новополюк: Изд-во Полоцкого гос. ун-та, 2003. 422 с.

Серман И.З. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 18. С. 214–232.

Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 260 с.

Хвостов Д.И. Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября // Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. Москва: Intrada, 1999. С. 149–153.

References

Vlagoi D.D. *Tvorcheskii put' Pushkina (1826–1830)* [Pushkin's creative path (1826–1830)]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1967, 723 p. (In Russ.)

Derzhavin G.R. *Sochineniia Derzhavina s ob'iasnitel'nyimi primechaniiami Ia. Grota* [Derzhavin's Works with Explanatory Notes by Ja. Grot]. T. 1: *Stikhotvoreniia* [Poems]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864, 812 p. (In Russ.)

Grigor'ev V.P. *Poetika slova. Na materiale russkoi sovetskoi poezii* [Poetics of the word. Based on Russian Soviet poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 343 p. (In Russ.)

Khvostov D.I. *Poslanie k N. N. o navodnenii Petropolia, byvshem 1824 goda 7 noiabria* [Message to N. N. about the flood of Petropol, which occurred on November 7, 1824]. *Graf Dmitrii Ivanovich Khvostov. Sochineniia* [Count Dmitry Ivanovich Khvostov]. Moscow, Intrada Publ., 1999, pp. 149–153. (In Russ.)

Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete set of works]: v 11 t. T. 8: *Poeziia, oratorskaia proza, nadpisi, 1732–1764* [Poetry, oratory, inscriptions, 1732–1764]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1959, 1280 p. (In Russ.)

Nikolozzi Rikardo. *Peterburgskii panegirik XVI-II veka: mif – ideologiia – ritorika* [Petersburg Panegyric of the 18th Century: Myth – Ideology – Rhetoric]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009, 161 p. (In Russ.)

[Novikov N.I.] *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiskikh pisateliakh. Iz raznykh pechatnykh i rukopisnykh knig, soobshchennykh izvestii, i slovesnykh predanii sobral Nikolai Novikov* [An attempt of a historical dictionary of Russian writers. Collected by Nikolai Novikov from various printed and handwritten books, reported news, and verbal legends]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1772, 264 p. (In Russ.)

Otkupshchikov Iu.V. *Ocherki po etimologii* [Essays on Etymology]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2001, 480 p. (In Russ.)

Prokopovich F. *Slova i rechi pouchitel'nye, pokhval'nye i pozdravitel'nye*. Ch. 1 [Instructive, laudatory and congratulatory orations and speeches. Vol. 1]. Saint

Petersburg, Pri Sukhoputnom Shliakhennom Kadetskom Korpuse Publ., 1760, 270 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Mednyi vsadnik: Peterburgskaia povest'* [The Bronze horseman: a St. Petersburg tale]. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete set of works]: v 16 t. T. 5: *Poemy 1825–1833* [Poems 1825–1833]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 131–150. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Na vozvrashchenie gosudaria imperatora iz Parizha v 1815 godu* [On the return of the Emperor from Paris in 1815]. *Poln. sobr. soch.* [Complete set of works]: v 16 t. T. 1: *Litseiskie stikhotvoreniia* [Lyceum poems]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1937, pp. 145–147. (In Russ.)

Pushkin A.S. *O predislovii g-na Lemonte k perevodu basen I.A. Krylova* [About Mr. Lemonte's preface to the translation of I.A. Krylov's fables]. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete set of works]: v 16 t. T. 11: *Kritika i publitsistika 1819–1834* [Criticism and journalism 1819–1834]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1949, pp. 31–34. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Ruslan i Liudmila* [Ruslan and Lyudmila]. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete set of works]: v 16 t. T. 4: *Poemy 1817–1824* [Poems 1817–1824]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1937, pp. 1–88. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Poemy 1825–1833: Drugie redaktsii, plany i varianty* [Poems 1825–1833: Other Editions, Plans, and Variants]. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete set of works]: v 16 t. T. 5: *Poemy 1825–1833* [Poems 1825–1833]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 161–505. (In Russ.)

Sidorovich L.N. «*Rifmotvornaia Psaltir'*» Simeona Polotskogo i Vasiliia Titova: *Teksty. Rasshifrovka i redaktsiia. Issledovaniia* [“Rhymed Psalter” by Simeon Polotsky and Vasily Titov: Texts. Transcript and editing. Research]. Novopolotsk, Polotskii gos. un-t Publ., 2003, 422 p. (In Russ.)

Serman I.Z. «*Psaltyr' rifmotvornaia*» Simeona Polotskogo i russkaia poeziia XVIII v. [“The Rhymed Psalter” by Simeon Polotsky and Russian poetry of the 18th century]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1962, vol. 18, pp. 214–232. (In Russ.)

Serman I.Z. *Poeticheskii stil' Lomonosova* [Lomonosov's poetic style]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 260 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Iazyk Pushkina: Pushkin i istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [The Language of Pushkin: Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow, Leningrad, Academy Publ., 1935, 457 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Istoriia slov* [History of words]. Moscow, Institut russkogo iazyka Publ., 1999, 1138 p. (In Russ.)

Vinokur G.O. *Nasledstvo XVIII veka v stikhotvornom iazyke Pushkina* [The legacy of the 18th century in the poetic language of Pushkin]. *Professor G.O. Vinokur. Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Professor G.O. Vinokur. Selected works on the Russian language]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Min-va prosveshcheniia RSFSR Publ., 1959, pp. 327-387. (In Russ.)

Zhivov V.M. *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* [History of the Russian written language]. T. 2. Moscow,

Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke Publ., 2017, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 07.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.